

УЛОФ ЛАГЕРКРАНЦ

ОТ АДА ДО РАЯ

КНИГА О ДАНТЕ И ЕГО КОМЕДИИ

Улоф Лагеркранц От Ада до Рая. Книга о Данте и его комедии

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2684425

От ада до рая/Пер. с шведск. Н. Федоровой: Прогресс-Традиция;

Москва; 2006

ISBN 5-89826-220-2

Аннотация

Герой эссе шведского писателя Улофа Лагеркранца «От Ада до Рая» – выдающийся итальянский поэт Данте Алигьери (1265–1321). Любовь к Данте – человеку и поэту – основная нить вдохновенного повествования о нем. Книга адресована широкому кругу читателей.

Содержание

Предисловие	4
Ад	9
Человек среди теней	10
Искусство быть в Аду	23
Франческа	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Улоф Лагеркранц

От ада до рая

Книга о Данте и его «Комедии»

Предисловие

Уже более шести веков Данте почитают одним из величайших поэтов нашего культурного региона. Тэн называл Данте, Шекспира, Микеланджело и Бетховена столпами человечества и тем самым ставил перед всеми другими. Стефан Георге говорил о Данте, Шекспире и Гете как о титанах в литературе Нового времени, и эта оценка преобладала в современной Германии. Широко известны и слова Элиота: мир делят меж собою Данте и Шекспир, и никого третьего здесь нет.

Можно с легкостью привести сколько угодно подобных высказываний. Для великого множества людей Данте занимал и занимает в литературе такое же место, какое в мире сказок отводится льву. Он был выделен в особую категорию, и когда его сопоставляли с другими, выбор сравнимых по масштабу фигур сводился буквально к единицам. «Величайшее из всех поэтическое произведение», – говорит о «Бо-

жественной Комедии» Умберто Козмо, и, судя по тону, для него это разумеется само собой, будто речь идет о солнце на нашем небосклоне.

Тот, кто занимается Данте, поначалу не может не ощущать бремени его славы. И избавиться от этого способен лишь один – сам Данте. Читая «Комедию», забываешь о его славе, забываешь, что на протяжении столетий лучшие умы комментировали это произведение, что о его проблемах существует целая литература, сравнимая по объему разве что с толкованиями Библии. Все это попросту забывается, потому что «Комедия», запечатленная на книжных страницах, захватывает читателя. Будто ждешь в мраморном зале среди увешанных золотом придворных вельмож, пока тебя допустят к грозному правителю, а войдя, обнаруживаешь, что властвует он не в силу внешнего могущества и внушающих почтение атрибутов, но в силу своего духовного превосходства. Страх исчезает. Даже начинающий чувствует себя спокойно.

О «Комедии» как живой словесной ткани, о множестве ее персонажей, о ее многогранности я знаю достаточно, чтобы понимать несовершенство собственного моего повествования. Работая над книгой, я чувствовал себя чем-то вроде провинциальной телефонной станции, которая реквизирована армией великой державы. Звонков слишком много, я не в состоянии обеспечить все необходимые соединения. Я обращался за помощью к давним и недавним исследователям Данте и получал ее. Моя благодарность им очень велика,

хотя, возможно, и не всегда достаточно четко выражена. Я заимствовал методические приемы и точки зрения, порой не делая подробной ссылки на источник. В дантоведении общеизвестно, что Эрих Ауэрбах – новатор в так называемом образном подходе, что Синглтон дал новую трактовку «Новой Жизни», что Маццео облегчил нам ориентирование в райском свете (достаточно упомянуть хотя бы эти три примера). Подобные вещи можно считать всеобщим достоянием. Я искал ключи и путеводные нити в разных направлениях, но предпринял по «Комедии» свое собственное странствие.

Главный источник моих знаний о «Комедии» – само это произведение, которое я читал снова и снова. И всякий раз, когда мне казалось, что я немного продвинулся в понимании, открывались новые пути и новые перспективы. Это сродни восхождению на гору. Чем выше поднимаешься, тем огромней становится мир и тем меньше – сравнительно – ты понимаешь. Утешает лишь одно: усиливается желание взойти на вершину и расширяется кругозор.

Конечно, я надеюсь, что моя книга послужит стимулом к чтению «Комедии». Стоит почитать и другие произведения Данте, особенно трактат об универсальной монархии и «Новую Жизнь». Но с «Комедией» они соотносятся так же, как задачки, которые Эйнштейн решал в школе, с его теорией относительности или как воскресные парусные прогулки в Генуэзской бухте, которые Колумб совершал в детстве, с его плаванием через неведомую Атлантику. Вместе с тем мне

едва ли не страшно советовать людям читать «Комедию». Это не книга для чтения, а, скорее, жизнь, которую нужно прожить. Вряд ли стоит читать «Комедию» только один раз. Сравнивая Данте с Шекспиром, необходимо помнить, что Шекспир был вынужден *каждой* своей драмой одерживать полную победу над зрителями. Кроме того, он обладал редкой способностью одним махом реализовать весь свой талант. Данте же посвящает «Комедии» всю жизнь, вкладывает в нее весь свой опыт, наполняет ее несчетными судьбами, высказывает свое отношение к извечным моральным, политическим и религиозным проблемам. И все это образует монолит, чьи внешние масштабы значительны, однако не неизмеримы. Если не останешься здесь надолго, извлечешь из этого произведения слишком мало.

Переводы из «Комедии» – за исключением оговоренных особо – сделаны мною¹, и ценную помощь при этом мне оказала моя приятельница, г-жа Карин Хубинетте. Во избежание терминологической путаницы названия трех царств умерших – Ада, Чистилища и Рая – я пишу со строчных букв, когда имеются в виду соответствующие места действия. Названия же частей (кантик) «Комедии» – с прописной (в русском тексте в обоих случаях традиционно используются прописные буквы, но названия кантик даны в кавычках. – *Перев.*). Чтобы помочь читателю отыскать в «Ко-

¹ В русском издании всюду цитируется стихотворный перевод М.Л. Лозинского. Здесь и далее прим. перев.

медии» пассажи, о которых я веду речь, я даю подсказку цифрами в скобках. Номер песни указан римскими цифрами, номер части и стиха – арабскими. Например, (2, XVII, 102–104) означает: «Чистилище», Песнь семнадцатая, стихи 102–104). И наконец, хочу выразить благодарность к.ф.н. Анн-Карин Пиль за подбор иллюстраций.

Если кому-то захочется продолжить изучение Данте, он найдет в конце книги список литературы, безусловно не претендующий на полноту, ведь за без малого два десятка лет, прошедших со времени первой публикации этой книги, я лишь sporadически следил за многочисленными работами о Данте. Моя библиография систематически прослеживает только шведские исследования, первое место среди которых, разумеется, принадлежит вышедшей в 1967 году книге о Данте Э.Н. Тигерstedта.

Рискну назвать и одну работу с итальянского «фронта». Проф. Мария Корти из Падуанского университета опубликовала любопытные суждения о Данте и так называемом адамовом языке, которые как будто бы подтверждают притязание Данте на то, что, создав «Комедию», он создал нечто совершенно уникальное.

Улоф Лагеркранц

Ад

Ад

Человек среди теней

Завязка такова: флорентиец Данте Алигьери предпринял странствие через Ад, Чистилище и Рай – три царства, ожидающие человека после смерти. Спустя несколько лет он рассказывает об этом путешествии, и в результате возникает поэтическое произведение, которое с начала XVI века зовется «Божественной Комедией». Как и в иных автобиографических повествованиях, рассказчик старше и опытнее того себя, о котором он ведет речь. Поэтому целесообразно их различать, именуя героя поэмы *пилигримом* Данте, а ее создателя – *рассказчиком* Данте. Такое различие в известном смысле опирается на самого Данте и использовалось целым рядом современных исследователей.

Пилигриму Данте вот-вот исполнится тридцать пять лет. Родился он во Флоренции под знаком Близнецов (21 мая – 20 июня) в 1265 году. Образованный человек из хорошей семьи, он изучал искусство античности и современной ему эпохи, философию и богословие. Писал стихи и активно участвовал в политической жизни родного города. Важнейшая часть его жизни еще впереди. Умершие, которых он встречает, обладают способностью видеть будущее, и пилигрим часто спрашивает их, как у него все сложится. Свое странствие он начинает в Страстную пятницу 1300 года, того самого, что по указу папы отмечается как великий юби-

лейный год и ознаменован для верующих особенными послаблениями. В Рим стекаются несметные полчища паломников. Странствие пилигрима через царства умерших продолжается примерно неделю. Еще целых пятьдесят лет до Чумы и семьдесят четыре – после кончины св. Франциска. Эпоха крестовых походов завершилась, но идея их по-прежнему жива во многих сердцах. Лишь девять лет назад было утрачено последнее христианское владение в Святой Земле. На папском престоле – Бонифаций VIII, на троне Священной Римской империи – Альбрехт Габсбург; первого пилигрим и рассказчик ненавидят, второго презирают. Такого рода сведения, привязывающие Дантово странствие к истории, могут оказаться полезны, однако читателю, который готовится вникнуть в «Комедию», стоит подумать и о том, что поэма носит визионерский характер и разыгрывается параллельно вне времени и во времени. «Комедия» существует, и действие ее отображается и вершится в этот самый миг, принадлежит настоящему ничуть не меньше, чем дождь за окном и холодная война.

Пилигрим Данте заплутал в лесу. Первые строки поэмы гласят: «Nel mezzo del cammin di nostra vita / mi ritrovai per una selva oscura, / che la diritta via era smarrita». – «Земную жизнь пройдя до половины, / Я очутился в сумрачном лесу, / Утратив правый путь во тьме долины». Мы понимаем, что лес – это наша жизнь и что пилигрим прошел свою жизнь до половины. Он видит озаренный солнцем холм, хочет взой-

ти на вершину, но путь ему преграждают три грозных зверя – сначала рысь, «вся в пятнах пестрого узора», затем «лев с поднятой гривой» и, наконец, волчица. Эта волчица, куда более свирепая и страшная, чем два других зверя, теснит пилигрима к глубокой долине. И в сей тяжкий час ему встречается муж, «от долгого безмолвья словно томный». Пилигрим просит незнакомца о помощи: «Спаси, – воззвал я голосом унылым, – / Будь призрак ты, будь человек живой!» (I, 65–66). Тот отвечает, что он не человек, но *был* им, и рассказывает, что предки его родом из Мантуи, что родился он при Юлии Цезаре, жил в Риме во времена доброго кесаря Августа, когда еще почитали ложных и лживых богов. Согласно средневековому обычаю, не полагалось называть свое имя, а тем паче хвастать им (сам Данте неукоснительно соблюдает этот обычай), и незнакомец поэтому не говорит своего имени, но представляется заплутавшему путнику, прибегнув к не менее действенному способу: «Я был поэт и верил песнопенью, / Как сын Анхиза отплыл на закат / От гордой Трои, преданной сожженью».

Пилигрим, вспыхнув от смущения, радостно восклицает: «Так ты Вергилий, ты родник бездонный, / Откуда песни миру потекли? / <...> / О честь и светоч всех певцов земли, / Уважь любовь и труд неутомимый, / Что в свиток твой мне вникнуть помогли! / Ты, мой учитель, мой пример любимый; / Лишь ты один в наследье мне вручил / Прекрасный слог, везде превозносимый. / Смотри, как этот зверь меня

стеснил! / О вещий муж, приди мне на подмогу, / Я трепещу до сокровенных жил» (I, 79–90). Вергилий отвечает, что путнику, который заплакал от страха, нужно пойти другой дорогой, ведь дикий зверь никого не пропускает, такой его обуревают ненасытный голод. Вергилий вызывается указать иной путь, который, хоть он много-много длиннее, тоже ведет к свету. Странствие пройдет через Ад и Чистилище. Если же пилигрим захочет идти дальше, ему придется найти себе другого вожатого, ибо он, Вергилий, не был христианином и оттого ему нет доступа в Рай. Данте с благодарностью принимает предложение, и на том Песнь первая, имеющая характер пролога, заканчивается. В следующих тридцати трех песнях два поэта спускаются в подземный мир и встречаются там осужденных на вечные муки.

Рассказчик Данте – средневековый человек в возрасте от сорока пяти до пятидесяти пяти лет. С 1301 года он живет в изгнании, и над ним нависает угроза смертного приговора. Бонифаций VIII скончался. Альбрехта Габсбурга в 1309 году сменил Генрих VII Люксембургский. В 1314 году кесарем становится Людвиг IV Виттельсбах, но императорская власть – лишь тень того, чем она была когда-то. С Климента V (1305–1314) начинается «вавилонское пленение» пап в Авиньоне. «Комедия» писалась в период упадка двух великих властей, папской и императорской, которым Данте посвятит столь много своих дум, энергии и поэзии.

В эпосе, который пишет рассказчик, его молодое «я», пи-

лигрим, любит женщину по имени Беатриче. Она уже оставила этот мир и живет в Раю, откуда охраняет и направляет странника. Именно по ее просьбе Вергилий нарушил свое долгое безмолвие, чтобы прийти Данте на помощь. Беатриче – добрый гений и для странника, и для рассказчика. Здесь, как нередко в поэме, трудно провести грань меж пилигримом и рассказчиком. Они живут на разных планах, принадлежат к разным возрастным группам, но между ними постоянно проскакивают огненные искры. Черты старшего, опаленные политическими и религиозными страстями, угадываются в незамутненном облике младшего. В сопровождении Вергилия и Беатриче младший – зачастую как ребенок, ведомый отцом или матерью, – направляется к Раю. Старший мощно и умело ведет к той же цели свое творение, под покровительством тех же духов. Рассказчик Данте находится на вершине знаний своего времени, тогда как знания Данте-пилигрима скудны и недостаточны. Пилигрим – герой в романе воспитания. Странствие-жизнь преподает ему уроки морали, политики, религии, благодаря которым он развивается. Много времени проходит, прежде чем он обретает ясность. Его борьба за познание – одна из великих тем «Комедии».

Читатель не видит, где пролегает раздел между тридцатипятилетним пилигримом и его пятидесятилетним творцом, и эта неопределенность действует как стимул. В точности никогда не известно, говорят ли с тобою мудрость и знание,

или ты имеешь дело всего-на-всего с наивным вопрошателем. Иными словами, читатель не испытывает гнета духовного принуждения. Подле Данте-рассказчика всечасно находится Данте-пилигрим. Рассказчик не забывает, что пилигрим полон колебаний, тревог и сомнений. Одновременно он знает, что эти сомнения и тревоги были, а вероятно, и остаются его собственными. Ведя свое повествование, он порой не делает различия между собою давним и собою теперешним. И в этом он похож на всех других людей.

Каждый из тех, кого пилигрим встречает на своем пути, прошел через врата смерти и обладает лишь призрачным телом. Плотью облечен только сам Данте. В Аду темно, потому-то пребывающие там горемыки часто не замечают, что гость не таков, как они. Подобная невнимательность в Аду связана с природой этого места. Здесь обитают люди, находящиеся в аффекте. Откуда же у них возьмется интерес к ближним! Каждому хватает собственной боли. Каждый замкнут в себе, и нередко именно в этом и заключается кара.

На горе Чистилища, расположенной в безбрежном океане по другую сторону земного шара, напротив, светит солнце, и тень, которую отбрасывает тело Данте, выдает его. Не удивительно поэтому, что встречи в Чистилище всегда означены испугом или удивлением. Видя, что грудь Данте дышит, а солнечные лучи сквозь него не проникают, умершие громко восклицают от изумления, показывают друг другу на него, устремляются к нему, чтобы удовлетворить свое любо-

пытство. Любопытство – признак того, что они пребывают в более счастливом состоянии, нежели проклятые в Аду. Им хочется умножить свою ученость, расширить объем сознания. Но удивление еще и совершенно естественно. Ни один живой человек не бывал в этих краях, и пилигриму все время приходится объяснять, как это возможно, что он, еще в первой, земной жизни, странствует среди умерших.

Пилигрим и сам порой забывает о разнице между своим положением и положением других. Как-то раз, стоя рядом с Вергилием, он видит перед собою лишь собственную тень, и в испуге молниеносно оборачивается, хочет убедиться, что Вергилий по-прежнему здесь. Он забыл, что Вергилий – бесплотная тень. В другой раз, встретив дорогого умершего друга, он трижды пытается обнять его, и трижды руки обнимают воздух и смыкаются на собственной его груди.

Рассказчик не пожалел сил, изображая встречи живого пилигрима с тенями умерших. Кое-кто из комментаторов сетует на многочисленность сцен удивления. Им можно ответить, что повествование требует постоянно помнить о различии между живыми и умершими. Среди душ, уже не нуждающихся в кислороде, дышащая грудь явно бросается в глаза не меньше, чем Гулливер среди лилипутов. Разве кто-нибудь критикует эти крохотные существа за то, что они сперва дивятся Гулливеровым размерам и лишь затем тщательно изучают прочие его свойства?

Но, возможно, сцены удивления – лично меня всякий

раз охватывает восторженное волнение, когда близится такая сцена, – черпают свет не из одной только потребности в правдоподобию. Быть единственным обладателем тени среди миллионов – отличие уникальное, сравнимое разве что с неповторимостью личности или непревзойденного гения. Среди страстей, раздирающих грудь Данте, изгоя и рассказчика, есть и честолюбие. Может статься, именно честолюбие и самонадеянность побуждали его столь часто возвращаться к встречам живого пилигрима с умершими. Тени в испуге отшатываются и восклицают: он вправду жив? Почему солнечные лучи рвутся, а не пронизывают его насквозь? В этих возгласах читателю слышен отзвук иных реплик: вправду ли, вправду ли это – Гомер, Шекспир, Эйнштейн, Чаплин, Данте? Может ли смертный, создав произведение, которое читается на протяжении веков, победить смерть и жить, когда другие уже стали тенями? Стремление к этому огнем горит в жизни и творчестве Данте. Вергилий, сопровождающий пилигрима, – побудительное напоминание о шансах на бессмертие, какими обладает поэт. «Божественная Комедия» создается в состязании с вожатым и учителем Вергилием. Одна из ее задач – прославить имя Данте. И поэт достиг своей цели, ведь тот, кто читает «Комедию», ежесекундно ощущает в плоти и крови действия присутствие его личности. Данте поныне отбрасывает тень среди мириад умерших.

За исключением Данте, все персонажи «Комедии» – призраки, духи. Верил ли Данте в духов, в посмертное продол-

жение жизни? Безусловно, верил. И хотя мы не можем разделить эту его убежденность, у нас все равно нет причин отступать. Библейский Адам, сервантесовский Дон Кихот, мартинсоновский бродяга Болле² тоже не существуют в чувственном мире. Они живут силой воображения своих творцов и нас самих. Они тоже тени, мы не можем ни обнять их, ни поговорить с ними. Однако, скажете вы, нас уверяют, что они такие же люди, как мы. Они дышат, вкушают запретные плоды, сражаются с ветряными мельницами, из их ран течет кровь, они мерзнут и греются в печи для обжига кирпичей. А вот у Данте люди обладают всего лишь призрачными телами. Не приобретает ли его поэма таким образом оттенок нереальности?

В соответствии с тогдашними воззрениями Данте полагает, что душа, которая создана непосредственно Богом и оттого не может умереть, со смертью тела освобождается, причем захватывает в свою новую жизненную форму все, что в человеке божественно и бrenно. В Песни двадцать пятой «Чистилища» римский поэт Стаций, шагая вместе с Вергилием и пилигримом по узкой горной тропе, читает целую лекцию на эту тему. Когда нить жизни прерывается, говорит Стаций, после человека остается плоть, принадлежащая миру животных и растений. Освобожденная душа обладает памятью, волей и разумом. В царстве мертвых – попадает ли душа в Ад

² Герой романа шведского писателя Харри Мартинсона «Дорога в Царство Колоклов».

или в Чистилище – она создает себе призрачное тело, своего рода тень, владеющую аналогами тех чувств, какие человек имел в своей первой жизни. Эта тень соотносится с душой, как костер с пожаром. И говорят умершие через эту тень. Она смеется, плачет, вздыхает, испытывает всяческие эмоции и желания. Поэтому умершие хоть и не едят, могут ощущать голод. Не пьют, но чувствуют жажду. Не имея тела, обжигаются о пламя или осязают тяжесть груза. Иными словами, умершие во всем подобны живым. От нас их отличает лишь одно: они перешли в другую форму существования. И невзирая на это, признать их все-таки трудно?

О нет. Ощущение близости и чистой правды усиливается благодаря тому, что в «Комедии» только один человек одет плотью, а все остальные – тени. Читая поэму, мы не задумываемся о проблеме бессмертия души, точно так же, как, читая о Гулливере, не задумываемся, существуют ли на самом деле лилипуты и великаны. Перед лицом «Комедии» опять-таки совершенно безразлично – и данную точку зрения решительно отстаивал Элиот в своей небольшой книжке о Данте, – веруем мы или нет. От нас требуется одно: верующие ли, нет ли, мы должны читать эту книгу так, как следует читать всякую книгу и встречать всякого человека, а именно – без предубеждения.

Ни один человек не воспринимает другого столь же реально, сколь себя самого. Притом за свою жизнь он общается с теньями ничуть не меньше, чем с людьми, дышащими тем же

воздухом, что и он. Умершие родственники, умершие возлюбленные, умершие друзья – все они присутствуют в нашей будничной жизни. С годами их число увеличивается. Автор «Комедии» уже близок к старости. В XIV веке жизнь была суровее и короче, нежели теперь, и теней умерших в жизни каждого человека набиралось куда больше, чем в наше время, если отвлечься от не-побиваемого рекорда по теням, который могут засвидетельствовать уцелевшие в современных лагерях каторжного труда и смерти.

Умершие герои и негодяи истории, умершие мыслители, художники и поэты играют очень важную роль в жизни интеллигентного, просвещенного человека. И задача Дантовой поэмы, в частности, пробудить к жизни давнюю культуру. «Пусть мертвое воскреснет песнопенье, / Святые Музы, – я взываю к вам», – восклицает Данте в начальных строфах «Чистилища». Желая реалистически изобразить, как выглядит для человека жизнь здесь, на земле, и подыскивая наиболее типичную ситуацию, разве не стоит изобразить человека из плоти и крови, окруженного теньями, которые из своего призрачного бытия ищут контакта с ним, еще живущим? Поэма Данте – заклинание умерших. Их призывают, чтобы они приняли участие в теперешней жизни, или они являются сами, ибо имеют сообщить нечто по-прежнему актуальное.

В тот миг, когда вступает в свою поэму и начинает странствие по царствам умерших, Данте как художник и человек приобретает колоссальное преимущество, и он отлично су-

меет им воспользоваться. Хотя все так непривычно, хотя в Аду стоит оглушительный шум, а в небесах от света слепит глаза, мы во всякий миг узнаём себя. Умершие все время рядом, и их присутствие – существенная часть нашей жизни. Их жизнь окончена, и они предстают перед нами в образах и ситуациях, которые по ходу жизни и истории вырисовываются все отчетливее. Дантовы встречи в царствах умерших под стать встречам, какие у всех нас случаются ежедневно. Поэтому «Комедию» можно воспринимать как поистине уникальное реалистическое произведение в западной поэзии. «Комедия» – произведение, где участвуют умершие, где слышен призыв воскресить мертвую поэзию, где всему, что принадлежит миру познания, дано присутствовать здесь и сейчас.

Это не означает, что «Комедия» обыденна и простодушна. Возможно, такая характеристика справедлива для ряда песней «Чистилища». Но «Ад» отражает не только боль, обусловленную природой этого места, а еще и ужас, которого не избежит никто из ищущих контакта с умершими. Вергилий не просто благородный представитель античной поэзии. Он еще и провидец и заклинатель умерших. В свое время, когда писал «Энеиду», он вместе с Энеем уже спускался в подземный мир, и теперь тогдашние заклинания вновь приходят ему на помощь. Он воплощает древние знания о подземных духах и об искусстве улавливать их в словесные и кровные сети. Именно Вергилий спасает пилигрима от чудовищ, сте-

регующих разные круги Ада. Он бросает землю в пасть Цербера и тем унимает его. Он прикрикивает на Минотавра, напоминая ему о его убийце, Тезее. Когда ничто другое не помогает, он призывает на выручку ангелов или использует магическую формулу, которая ломает всякое сопротивление. «Того хотят – там, где исполнить властны / То, что хотят» (1, V, 23–24). Через все песни «Ада» проходит дрожь ужаса, и ни древним, ни новым заклинаниям никогда не одолеть его целиком и полностью.

В Раю блаженные мечтают о Страшном суде, когда они соединятся со своими телами и испытают огромное счастье. В мире поэтического слова всякий обрисованный поэтом персонаж – тень, жаждущая наполниться кровью, превратиться из фантома в пышущее жизнью существо. Данте признаёт, что его персонажи – тени, но зачастую они кажутся нам одетыми живою плотью. Умершие живы, но одновременно мы знаем – и мучаемся из-за этого, – что они мертвы. Одно из многих чудес, связанных с «Комедией», заключается в том, что для нашего восприятия она по своей форме и развитию очень похожа на правду, что Данте усматривает в бытии множество измерений и взрывает тесные рамки, которые мы возводим вокруг себя.

Искусство быть в Аду

Вместе со своим другом и вожатым Вергилием пилигрим Данте спускается в Ад, расположенный под поверхностью земли. Переправляется через темные мертвые реки. Пересекает раскаленные пустыни и бесприютные ледяные равнины. Он не в царстве грез и тем паче не в аллегории, а среди реального ландшафта. И ведет он себя в Аду таким же манером, как Сэм Уэллер из «Записок Пиквикского клуба» ведет себя в Лондоне, когда во дворе гостиницы «Белый олень» усердно чистит сапоги постояльцев и перешучивается со служанкой. Если б кто-нибудь сообщил м-ру Уэллеру, что Лондон – сущий град обреченных (учитывая нищету и убожество тогдашних больших городов, такой вывод вполне оправдан), это не помешало бы ему с удовольствием озираться по сторонам и не упускать okazji получить чаевые. Рассказчик Данте охотно прибегает к образам, соединенным с приятностью и идиллией, чтобы через них высветить страшные и трагические события. А потому мне кажется, он не стал бы порицать того, кто сравнивает пилигрима в Аду с Сэмом Уэллером в Лондоне. Ведь это сравнение просто помогает запомнить: пилигрим Данте находится в Аду и ведет себя точно так же, как любой из нас ведет себя там, где присутствует телесно.

Данте – путешественник-первооткрыватель в стране, где у жителей странные обычаи. Одни валяются в грязи, дру-

гие носят позолоченные куколи из свинца. Третьи купаются в кипящей смоле, четвертые единоборствуют между собою. Или он – посетитель в лазарете, который переходит из палаты в палату, от койки к койке, глядя на опухших и уродливых жертв тяжких недугов. Или он – мирный гражданский человек, очутившийся в гуще битвы и окруженный тысячами павших воинов.

Пилигрим знает, что Ад – место заключения, тюрьма и населен осужденными. Об этом ему напомнили в тот самый миг, когда он туда входил, ибо над воротами написано:

Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколениям.

Был правдою мой Зодчий вдохновен:
Я Высшей Силой, полнотой Всезнания
И Первою Любовью сотворен.

Древней меня лишь вечные созданья,
И с вечностью пребуду наравне.
Входящие, оставьте упования.

Per me si va nella cittâ dolente;
per me si va nell'eterno dolore;
per me si va tra la perduta gente.
Giustizia mosse il mio alto Fattore;

fecce mi la divina Potestate,
la somma Sapienza e il primo Amore.
Dinanzi a me non fur cose create,
se non eterne, ed io eterno duro:
lasciate ogni speranza, voi ch'entrate.

Итак, уже в начале странствия и в начале поэмы четко сказано, что Ад создан верховной божественной силой, и читатель, как и пилигрим, в дальнейшем убедится, что там часто идет речь о высшем суде. И в произведении, где повествуется о жизни за порогом смерти, это совершенно естественно. Ведь, поскольку всем очевидно, что в земной жизни зачастую побеждает злодей, а добрый, хороший человек страдает, по ту сторону смерти Бог должен восстановить равновесие, ибо Он есть любовь и справедливость.

Пилигрим встретит людей, наказанных по заслугам. Но он человек, а не робот. Он читает письма «сумрачного цвета», начертанные над воротами, и говорит Вергилию: «Учитель, смысл их странен мне». Вергилий отвечает: «Здесь нужно, чтоб душа была тверда; / Здесь страх не должен подавать совета. / Я обещал, что мы придем туда, / Где ты увидишь, как томятся тени, / Свет разума утратив навсегда» – *il ben dello intelletto* (ст. Г8). Вергилий имеет в виду, что грешники в Аду утратили знание о Божией благодати и о высшей правде. Как это могло случиться, нам не сообщают. Однако есть основания предположить, что Данте тревожит жестокая необратимость кары, выраженная в словах об упованиях, ко-

которые здесь должно оставить. Кое-кто из христианских интерпретаторов считает, что осужденные выбрали зло, выбрали Ад, но как можно выбрать вечные муки, понять трудно. Зато есть и соблазн так сформулировать положение вещей: в адском концлагере заключены противники Бога. Верующий – хоть нацист, хоть христианин – должен бы испытывать удовлетворение и спокойно прохаживаться по этому огромному лагерю, радуясь тамошнему порядку и возмездию, постигшему мятежников против диктатора Бога. Это ли имеет в виду Вергилий, говоря, что «нужно, чтоб душа была тверда»?

Через несколько секунд после разговора меж Вергилием и Данте по поводу надписи учитель берет пилигрима за руку. Со спокойным ликом – *con lieto volto* (ст. 20), – который утешает Данте, но читателя приводит в замешательство, Вергилий вводит Данте в Ад. Там беззвездное пространство полнится вздохами, плачем и громкими воплями. И хотя Вергилий безмятежен, Данте в ужасе дает волю слезам. Он не в силах памятовать о том, что каждое из существ, с которыми ему предстоит встреча, прошло суд, составляющий неотъемлемую часть христианской религии.

Конечно, не исключено, что пилигрим плачет вопреки всей справедливости наказания, что его охватывают ужас и сочувствие при виде кошмаров, к которым приводит грех. Всякая кара – возможная угроза и для него самого, ведь он свою жизнь еще не закончил. Вергилий, однако, явно недоволен этой слабостью пилигрима.

Пилигрим, каким мы видим его во время странствия по Аду, это человек, часто забывающий о наказании и воспринимающий Ад как страну, полную необъяснимых страданий. Он видит вокруг себя существа, мучимые грязью, истерзанные страстями. Они изгнаны из земной жизни. Тела их покрыты гнойниками, вздуты, истощены, изорваны бешеными псами. Есть и такие, что опутаны собственной ложью, перепачканы пороками и вечно казнятся мыслью, что предали великое дело, растратили попусту свои возможности, но сделанного не воротишь, оно навсегда решило их участь.

Пилигрим помнит надпись над воротами, и ее смысл держит его в постоянном страхе. Однако он не компонент арифметического примера для верующих христиан, а человек. Потому-то на протяжении своего странствия и реагирует на обстоятельства неодинаково. То пугается, то приходит в ярость, то просто любопытен и, едва не забавляясь, описывает обычаи узников и облик бесов-стражей. Но разве может он пресечь в себе сочувствие к недужным и страх перед буйными обитателями сумасшедшего дома? Точно так же он не может не испытывать отвращения к людям подлым и мерзким. Как поступили бы мы сами, встретив в аду Гиммлера, убийцу миллионов невинных? Даже если бы он, подобно другим тиранам, топившим мир в крови, понес наказание и сам варился теперь в этой кипящей жидкости – смотри Песнь двенадцатую «Ада», – мы бы, наверно, бросили ему бранное слово, а то и огрели по голове, окажись она слыш-

ком близко. В теории терпимость и сочувствие практиковать легко, но, очутившись в Аду фактически, по-настоящему, многие из нас вряд ли бы выдержали испытание. Разумеется, нам было бы трудно подавить удовлетворение при виде унижительных ситуаций, в которых оказались наши личные враги. Злорадство, разумеется, не преминуло бы поднять голову. А как бы мы отнеслись к тем, кто при жизни грозил другим адскими муками и теперь пойман в собственные сети? Глядя на них, мы бы, скорее всего, лишь с большим трудом сумели отбросить мысль о справедливости кары и приятное чувство, что сами-то мы только гости в этом неудобном месте, ибо всегда проповедовали терпимость. Поэтому нас не должно удивлять, что Данте порой ведет себя в Аду беспощадно, что он, вот сию минуту плакавший о несчастных, уже в следующий миг способствует ужесточению их мук. Тот, кто осуждает пилигрима за такую беспощадность, демонстрирует вдобавок постыдную нехватку фантазии.

Данте пишет о высочайших вещах, о борьбе добра и зла в человеке, о возможностях завоевать истинное счастье, о конечном предназначении человека. «Комедия», безусловно, путешествие, предпринятое в определенное время, какое установлено с помощью положения звезд, луны и солнца. Однако подлинное путешествие происходит вне времени и являет собой как бы составление карты человеческой жизни – не той, какую она рисуется в конкретном случае от колыбели до могилы, но какую ее можно себе помыслить, когда

реализуется всякая возможность и всякий задаток способен развиваться во зло или во благо.

Рассказчик поместил пилигрима в Ад, где люди терпят жестокие муки. Верил ли он, что такой Ад существует на самом деле? Верил ли, что в краю по ту сторону надежды можно утратить знание о высшем благе? Для начала давайте отложим этот вопрос. Мы вернемся к нему в позднейших главах, опираясь на опыт, приобретенный в долгом странствии. Пока можно констатировать, что в мире несомненно существуют болезни, и войны, и ненависть, и безмерное страдание. В песнях «Ада» «Божественной Комедии» человек попадает в царство, где его собратья страдают без надежды и смысла. Его восприятие начеку, чувства обострены. В те минуты, когда перед нами, казалось бы, бессмысленное страдание, нам мало проку от рассуждений, что в общем и целом жизнь замечательна, исполнена смысла и прекрасна. Пилигриму тоже не много пользы от надписи, которая утверждает, что обитающие в Аду несут заслуженную кару.

Возможно, он думает, что в безнадежности Ада заключено утешение, ведь постоянно возобновляемая и постоянно обманутая надежда, пожалуй, куда большая мука, нежели сознание, что приговор окончателен.

Пилигрим живет под покровительством Бога. Путь ему указывает Вергилий, которого он считал едва ли не божеством. Возлюбленная пилигрима, находясь в Раю, всечасно наблюдает за ним и через несколько дней ожидает его там.

Но ни Беатриче, ни Вергилий, ни католическая церковь, ни христианская вера не могут избавить его от участия и сопереживания мучений тех, кого он встречает. Рассказчику многое ведомо о страдании, его проявлениях, его обычаях и привычках, его языке и философии. Карлейль говорил, что Данте наделяет голосом десять безмолвных веков христианства. Что же касается страдания, то эти слова приложимы ко всем векам.

Средневековье – период слишком обширный и разнородный, и общие, собирательные характеристики к нему неприменимы. Но эти столетия в еще большей степени, нежели наши, ознаменованы войнами, голодом, эпидемиями, опустошавшими целые регионы, расколом, который с кинжалом в руке пробирался через городские стены в дома людей. Может статься, в эпоху Данте боль и страдание были привычнее. Убийц на глазах у всех живьем закапывали в землю – вниз головой и вверх ногами. Когда пилигрим достигает того круга Чистилища, где в огне очищаются сладострастники, он, сжав руки, заглядывает в огонь, и в памяти его, будто наяву, оживают тела людей, сожженные огнем на земле (2, XXVII, 16–18). Разве же Данте мог не думать снова и снова об этой каре, которая постигла бы и его, будь он схвачен в стенах Флоренции?! Каждый мог видеть и слепых нищих, что брели, держась за плечи друг друга, и еретиков, пытаемых палачами в железных личинах. Страдания нашей эпохи столь же, а то и более велики, но многие из нас воспринима-

ют их отстраненно, без остроты, абстрактно. У наших дверей никто от голода не умирает, мы лишь читаем об этом в газетах или видим на телеэкране. Может быть, потому страдание в нашем мире и безмолвно. Никто пока не наделил голосом то непостижное, что происходило в окопах Первой мировой войны, в русских лагерях, в разбомбленных городах Второй мировой, в нацистском мире, где евреев преследовали, сгоняли в лагеря смерти и умерщвляли, как умерщвляют паразитов.

В песнях «Ада» Данте наделяет речью беспредельное страдание. Тем самым он подает мысль о единственном способе облегчить бессмысленную боль – о словах, осознании, памяти. И делает это с такой могучей силой, что мы поистине должны благодарить его, когда он нет-нет да и напоминает нам, что здесь, в его юдоли страдания, находятся лишь тени, а не существа из плоти и крови. Иначе бы мы вряд ли выдержали.

Вот почему идти вслед за Данте не означает в первую очередь получать ответ на вопросы. Это означает – записаться в огромный университет сопереживания, где дело всечасно идет о том, чтобы повышать осознание, и где всечасно отдаешь себе отчет в собственном несовершенстве и мечтаешь, что придет день, когда постигнешь больше и почувствуешь себя живее и сильнее.

Франческа

Во втором круге Ада пилигрим видит и узнаёт Франческу и ее возлюбленного Паоло. Врата с роковой надписью остались позади. В преддверье Ада ему встретились ничтожные, презренные людишки, которые не смеют ни бунтовать, ни соглашаться, трусливый довесок, отвергнутый небом и не признанный Адом. Теперь они завидуют участи других – благой ли, тяжкой ли, им безразлично. Повстречал пилигрим и перевозчика Харона, гневного старика с пламенами во круг глаз, который не желал переправить его через первую из рек царства мертвых. В первом круге Ада, в Лимбе, он повидал благородных язычников, живших до Христа и оттого не снискавших блаженства. Если всюду в Аду воздух полон криков и проклятий, то в Лимбе стоит тишина. Лишь вздохи поднимаются к темному своду, ибо здешние обитатели живут в бесконечной тоске без надежды. Там Данте встретился с Гомером, Горацием, Овидием и Луканом и был принят в их круг. Поодаль он видел Цезаря в боевом снаряжении, с соколиным взором, Гектора, Энея, Аристотеля, Сократа, Платона. Теперь же он очутился в настоящем Аду, где узники вправду несут наказание. У входа во второй круг стоит на страже Минос, дух бездны; оскалив пасть и бия хвостом, он посылает новоприбывшие души в тот круг Ада, что назначен божественным судом. Пройдя мимо этого чудовища,

Вергилий и пилигрим внезапно оказываются во власти урагана. В кромешной мгле осужденных швыряет адский ветер, который – и, за редким исключением, все толкователи Данте непременно на это указывают – символизирует возбуждение и пыл страсти.

Здесь обитают те, кто согрешил ради любви, те, «кого земная плоть звала, / Кто предал разум власти вожделений» (V, 38–39). «И как скворцов уносят их крыла, / В дни холода, густым и длинным строем, / Так эта буря кружит духов зла / Туда, сюда, вниз, вверх, огромным роем; / Им нет надежды на смягченье мук / Или на миг, овеванный покоем» (V, 40–45). Подобно тому как журавли с унылым кликом летят в вышине, формируя длинный клин, мчатся перед пилигримом в вихрях бури призрачные тени, жалуясь и плача. Удивительно, однако здесь без разбору объединены как распутные и порочные, так и те, кто страстно любил одного-единственного человека, – иначе говоря, две группы, между которыми наша этика проводит различие. С помощью Вергилия – ведь тот, воспевавший любовь царицы Дидоны, знаток в этой области – Данте узнаёт целый ряд великих влюбленных, что прославлены в истории и в поэзии: вот Семирамида, возведшая разврат в ранг державного закона, вот сластолюбивая Клеопатра рядом с Еленой, супругой Менелая, соблазненной Парисом и ставшей поводом для Троянской войны, вот Тристан, которого выпитый на корабле любовный напиток навечно связал с Изольдой, женою короля Марка. О пи-

лигриме сказано, что, слыша, как его учитель – *il mio dottore* – поименно перечисляет всех этих дам и кавалеров далекого прошлого, он опечалился и дух его затмился, будто заплутал. Данте использует в своем стихе слово *smarrito*, а читатель помнит, что в форме *smarńta* это слово встретилось ему в самом начале «Комедии». Пилигрим, говорилось там, очутился в сумрачном лесу, потому что правый путь был им утрачен, *smarńta*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.